

Юрина Екатерина Сергеевна

ЕДИНСТВО АВТОРА И ТЕКСТА: РАЗГАДКА "ВАКХАНОК"

В статье исследуется трагедия Еврипида (480–406 гг. до н.э.) "Вакханки" как философский дискурс софистики V века до н.э. Рассматривается история изучения текста и некоторые попытки интерпретаций "Вакханок" западными авторами, в том числе теория палинодии, согласно которой последняя работа драматурга - отказ от своих философских взглядов и возвращение к религии, а также теория двойного намерения, согласно которой Еврипида нужно рассматривать и как поэта, и как философа. Автор статьи склоняется к последней теории и настаивает на интертекстуальности "Вакханок" в свете философских дискуссий V века до н.э.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 1. С. 209-211. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)

Философские науки

В статье исследуется трагедия Еврипида (480-406 гг. до н.э.) «Вакханки» как философский дискурс софистики V века до н.э. Рассматривается история изучения текста и некоторые попытки интерпретаций «Вакханок» западными авторами, в том числе теория палинодии, согласно которой последняя работа драматурга – отказ от своих философских взглядов и возвращение к религии, а также теория двойного намерения, согласно которой Еврипида нужно рассматривать и как поэта, и как философа. Автор статьи склоняется к последней теории и настаивает на интертекстуальности «Вакханок» в свете философских дискуссий V века до н.э.

Ключевые слова и фразы: Еврипид; «Вакханки»; имя; вещи; τὸ ὄνομα; τὰ πράγματα; софисты; Протагор.

Юрина Екатерина Сергеевна

*Санкт-Петербургский государственный университет
k.iurina@mail.ru*

ЕДИНСТВО АВТОРА И ТЕКСТА: РАЗГАДКА «ВАКХАНОК»

В 1908 году была опубликована книга Г. Норвуда под названием «Загадка Вакханок» (“The Riddle of the Bacchae”). Наше настоящее исследование не преследует цели опровергнуть идеи автора, скорее, мы предлагаем ещё одну интерпретацию текста.

Трагедия Еврипида, которого порицал Ницше, стоит как будто особняком от двух других классиков греческой трагедии. В отличие от Софокла и Эсхила, Еврипид, действительно, выводит на сцену философствующих героев, предоставляя размышлять на сцене самим действующим лицам, а не зрителям. И, конечно, мы увидим это позже, тексты Еврипида то и дело отсылают к образованному читателю, поскольку затрагивают такие философские концепты, как *λόγος*, *τὸ ὄνομα* и *τὰ πράγματα* (имя и вещи), *εἶναι/φαίνεσθαι* (быть/казаться), – то есть те, которыми занимались софисты V в. до н.э. Сама ли эпоха подталкивает Еврипида говорить о проблеме философских дискуссий или же тот простой факт, что другом Еврипида был софист Протагор, как сообщает нам Диоген Лаэртский [4, с. 349]? Так или иначе, мы не можем читать текст Еврипида, не понимая его интертекстуальности, то есть того диалога, который имплицитно, а может быть и эксплицитно, вёл сам драматург с софистами и, разумеется, Платоном.

Один из ведущих исследователей софистики – М. Унтерштайнер – описывает тот поворотный момент в античной философии и литературе, который показывает неотделимость одной от другой и замечен в текстах Еврипида. Сказание, или миф, становится теперь вместилищем образов мыслей [15, р. 58].

Фабула, из которой Еврипид складывает свой сюжет, говорит о новом божестве Дионисе, который приходит в Афины с целью установить свой культ. В Афинах его культ не принимает царь Пенфей, за что и гибнет, разорванный руками собственной матери Агавы, принявшей его за льва. История похожа на религиозную, и главные вопросы ученых будут сводиться к пониманию того, почему философствующий поэт в конце «принимает» новую религию и «принимает» ли на самом деле.

Первая теория понимания текста называется *the double intention theory* (теория двойного намерения), согласно которой нужно понимать автора текста или Еврипида и как философа, и как поэта [9, р. 15]. Вторая теория называется *the palinode theory* (теория палинодии), согласно которой «Вакханки» являются палинодией религии или апологией Еврипида. Однако Г. Норвуд не согласен с этой теорией, поскольку считает, что Еврипид интересуется религией постольку, поскольку она открывает психологию души человека [Ibidem, р. 42]. В рамках теории двойного намерения появляется школа рационалистов (*the school of rationalists*), полагающая, что Еврипид писал, ориентируясь и на широкого читателя, и на читателя, который сумеет правильно интерпретировать послания поэта [Ibidem, р. 40]. Согласно последней теории, мы видим в Дионисе вовсе не бога, Дионис – личностная репрезентация силы, находящейся в эмоциях человека [Ibidem, р. 42]. Более того, Г. Норвуд пишет, что Еврипид рассматривает Диониса как ужасную опасность, поскольку Дионис – это естественный принцип жизни, а люди, думая, что могут познать природу, склонны к тому, чтобы приписывать аморальные истории делам вымышленных героев [12, р. 111]. С этим не согласен Г. Мюррей, считающий, что Дионис – на самом деле бог и новая дионисийская религия устанавливается в противовес той, которая царил в неблагоприятной атмосфере Афин V века [11, р. 197]. Д. Фестл приходит к выводу, что Еврипид настаивает на очищении греческой религии от ее нерациональных и недостойных элементов [9, р. 98].

Обратимся к непростому тексту «Вакханок», принимая во внимание тот факт, что Еврипид выступает не только как поэт, но в то же самое время как философ.

Трагедия начинается речью Диониса. Как и во всех остальных трагедиях Еврипида, первая речь-пролог уже рассказывает нам о будущих событиях.

Дионис пришёл в Фивы. Он сын Зевса и Семелы – бессмертного и смертной. Приходит в Фивы, чтобы установить свой культ:

μορφὴν δ' ἀμείψας ἐκ θεοῦ βροτῆσιαν [8, р. 243] /

Изменив свой образ бога на смертного (человека) (здесь и далее перевод с древнегреческого автора статьи. – Е. Ю.).

И несколько ниже:

*ὄν οὐνεκ' εἶδος θνητὸν ἀλλάζας ἔχω
μορφὴν τ' ἐμὴν μετέβαλον ἀνδρὸς φύσιν [Ibidem, p. 245]. /
Ради этого я, приняв вид смертного,
имею очертание и изменил свою природу на человеческую.*

Два важных понятия в одном предложении: *εἶδος* (вид) – нечто зримое по своей этимологии, *μορφή* (очертание, форма) в таком случае не совсем то же самое, что *εἶδος*. Однако Дионис, имея тождественность только в своём имени, имеет и *εἶδος* смертного, и *εἶδος* человека. Ту же самую ситуацию, когда одно и то же имя может быть у разных вещей, мы наблюдаем в трагедии «Елена» [1, с. 122].

Соотношение имени и дела (*τὸ ὄνομα* и *τὰ πράγματα*) – излюбленная тема Еврипида и софистики V века до н.э. В диалоге «Кратил» Платон разбирает соотношение *τὸ ὄνομα* и *τὰ πράγματα*, по ходу которого становится ясно, что софисты выдвигали тезис конвенциональности имени и разграничивали имя от того, через что это имя репрезентируется.

Не обойдём стороной загадочное сочинение неизвестного автора, которое публикуют Г. Дильс и затем А. О. Маковельский в самом конце второго выпуска «Софистов», – “*Διτσοῖ λόγοι*”, или «Двойные речи». Датировка этого сочинения обычно относится на V-IV вв. до н.э. Вопросы, которые текст разбирает, разбиты на небольшие главы: о добре и зле, о прекрасном и постыдном, об истинном и ложном, о мудрости и добродетели... Автор данного текста сначала приводит все доводы в защиту того, что имя (наименование) дела идёт вразрез с самим делом: относительно победителя на войне победа – благо, для побеждённого – зло. Именно поэтому добро и зло – только названия, которые друг от друга ничем не отличаются, но, в зависимости от обстоятельств, одно мы называем добром, другое – злом. Но потом автор описывает, что бывают случаи, когда добро и зло совпадают с природой самой вещи и отличаются друг от друга не только по наименованию, но и по делу [7, S. 335].

То же самое мы наблюдаем в случае с Дионисом. Дионис – это имя. Но по своему образу, выраженному на деле, – бог и человек. В том, что Дионис есть, не сомневается никто в трагедии, но в том, кто такой Дионис, сомневаются Пенфей, Тересий, Агава, только лишь один Кадм верит, что перед ним сам бог.

Со стороны Диониса его поступки – это также палинодия матери-Семеле. Это её оправдание перед неверующими [8, p. 244].

В 44 строке появляется имя Пенфея, который «спорит с богами», выступая против Диониса “*θεομαχεῖ τὰ κατ' ἐμὲ*”. Пенфей в качестве такого богоборца скорее трактуется как софист, который богов не признаёт. Однако в «Теэтете» Платон пишет, ссылаясь на Протагора, что для софистов невозможно знать, ни что боги есть, ни что богов нет [13, p. 229].

Пенфей – антагонист Диониса, который, судя по тексту, является Дионису родственником, а Т. В. Гончарова в своей монографии, посвященной Еврипиду, пишет о нем как об ипостаси Еврипида (неверующего в богов софиста) [3, с. 259]. Однако тут главное само имя – *Πενθέως*. Дело в том, что имени Пенфей созвучно, да и пишется практически так же, кроме одной авторской буквы, как слово-существительное – *πένθος* (горе) и глагол *πενθέω* (горевать). Если верить этимологическому словарю Г. Фриска, то слово происходит от немаловажного глагола *πάσχω* (страдать, претерпевать) [10, p. 478]. Имя говорит само за себя, обозначающее не отделяется от обозначаемого – страдающий пострадает:

*ἐνδυστυχῆσαι τοῦνομ ἐπιτήδειος εἶ [8, p. 262]. /
Подходящее ты имеешь имя, чтобы страдать.*

Пенфей также не избегает двойственности и претерпевает метаморфозы. В 917 строке в «Вакханок» сам Дионис говорит, что Пенфей имеет облик дочери Кадма.

Знаменитое изречение Протагора о богах, что невозможно знать, ни что боги есть, ни что богов нет (*ὥς εἶσιν ἢ ὥς οὐκ εἶσιν*) [13, p. 229], поскольку познанию препятствует сама человеческая природа, естественным образом вписывается в контекст «Вакханок». На сцене появляются Тиресий (слепой мудрец) и Кадм, которые собираются водить хороводы в честь Вакха одни из города, потому что только они одни мыслят хорошо, другие – плохо [8, p. 250]. Другие – в том числе и Пенфей.

Г. Мюррей в книге «Еврипид и его эпоха» (“*Euripides and his age*”) настаивает на том, что новая религия, с которой пришёл Дионис, – это вовсе не возврат к ортодоксальной религии и не палинодия Еврипида перед богами, поскольку, согласно как Еврипиду, так и софистам (в частности, Протагору), человек в силу своей человеческой природы не может знать, существуют ли боги или не существуют. Согласно Г. Мюррею, Еврипида удручала та атмосфера Афин, в которой он оказался: народ следовал религии, но на самом деле не думал о богах, и поэтому Еврипид ушёл от действительного народа к воображаемому [11, p. 194]. Дионис является воплощением такого воображаемого народа в противоположность горделивым мудрецам [5].

Как мы уже говорили, Еврипид часто обращается к теме имени и вещи, но посмотрим на ещё один фрагмент Протагора, который называется *the two logoi fragment* (фрагмент о двух логосах): *Καὶ πρῶτος ἔφη δύο λόγους εἶναι περὶ παντὸς πράγματος ἀντικειμένους ἀλλήλοις* [6, p. 462]. / И первым сказал, что в отношении каждой вещи существуют два логоса, противоположных друг другу. Э. Скъяппа предлагает интерпретировать этот фрагмент таким образом, что реальность (*πράγμα*) такова, что её можно описать двумя различными способами [14, p. 92]. Возвращаемся к тексту Еврипида и видим, что во всех последующих (да и в предшествующих) эпизодах главные герои драмы начинают воспринимать друг друга двойственно. Например,

в первой сцене встречи Диониса и Пенфея Дионис, представляясь богом, видится Пенфею как человек, и тот приказывает связать его. В пятом эпизоде Пенфей так и говорит, что всё видится двойко (двойные Фивы, два солнца), в том числе Дионис теперь в образе быка [8, р. 278]. На это Дионис отвечает Пенфею:

*vñv δ' ὄρας ἃ χρή σ' ὄραν [Ibidem]. /
Теперь ты видишь то, что должен видеть.*

Дионис карает Пенфея, а вместе с ним – Агаву и Кадму, однако вместе с Кадмом мы недоумеваем:

*Διώνυσος
καὶ γὰρ πρὸς ὑμῶν θεὸς γεγὼς ὑβρίζομην.
Κάδιος
ὄρας πρέπει θεὸς οὐχ ὁμοιοῦσθαι βροτοῖς [Ibidem, p. 295]. /*

Дионис

Ибо от вас, богом родившись, я терпел по отношению к себе надменность.

Кадм

Не подобает, чтобы боги уподоблялись гневу смертных.

Если бы Еврипид действительно написал палинодию, а Дионис действительно был бы воплощением религии (новой или ортодоксальной), то мог ли Еврипид отказаться от взглядов софистов и отдать первенство такому богу, который так софистически описан? Вопрос, который нам хотелось бы сформулировать: можно ли воспринимать «Вакханок» как палинодию Еврипида, о котором ходили слухи как о не верующем в богов? Думаем, что ответ прост: разумеется, это палинодия. Первое «да» лежит на поверхности – в развязке трагедии: Дионис-бог одерживает верх над Пенфеем. Второе «да» – софистическое: для Пенфея Дионис становится богом, предстаёт как бог. Победа бога открывает только одну его сторону, поскольку для самого Еврипида Дионис двойственен, и если это и палинодия, то софистическая, то есть такая же, какой была палинодия Горгия Елене: палинодия Елене не говорит, что Елена невиновна, она лишь показывает то, что о Елене можно сказать так, что она будет невиновна.

Следуя теории двойного намерения, мы также воспринимаем текст Еврипида как текст и философа, и поэта. С одной стороны, Еврипид выступает как поэт, составляя превосходный сюжет, отражающий настроение собственной эпохи, с другой стороны, Еврипид работает с основными понятиями первой софистики, раскрывая и показывая их проблематику в разворачивающейся трагедии. Таким образом, мы рассматриваем трагедию «Вакханки» как философский дискурс V века до н.э.

Список источников

1. **Алымова Е. В.** Трагедия Еврипида «Елена» в свете философских дискуссий V-IV веков: софисты, Сократ, Платон // Платоновский сборник. Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии: в 2-х т. М. – СПб.: РГГУ; РХГА, 2013. Т. 2. С. 111-129.
2. **Аристотель.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
3. **Гончарова Т. В.** Еврипид. М.: Молодая гвардия, 1984. 271 с.
4. **Диоген Лаэртский.** О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 2011. 623 с.
5. **Еврипид.** Вакханки // Еврипид. Медея. Ипполит. Вакханки: трагедии. СПб., 2006. С. 145-214.
6. **Diogenes Laertius.** Lives of Eminent Philosophers: in 2 vol. L.: William Heinemann; N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1925. Vol. 2. R. D. Hicks. 720 p.
7. **Διασοὶ λόγοι (Dialexeis)** // Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels. Berlin, 1922. S. 334-345.
8. **Euripides.** Bacchae // Euripidis Fabulae: in 3 vol. Oxford: Clarendon Press, 1975. Vol. 3. G. Murray. P. 241-300.
9. **Festle J.** Critical History and Evaluation of Euripides Bacchae. Chicago: Loyola University Chicago, 1949. 103 p.
10. **Frisk H.** Griechisches etymologisches wörterbuch. Heidelberg, 1960. 1154 p.
11. **Murray G.** Euripides and his age. Cambridge: Cambridge University Press, 1913. 274 p.
12. **Norwood G.** The Riddle of The Bacchae. Manchester: At the University Press, 1908. 240 p.
13. **Protagoras** // Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels. Berlin, 1922. S. 219-235.
14. **Schiappa E.** Protagoras and Logos. Columbia, South Carolina: The University of South Carolina Press, 2003. 251 p.
15. **Unterstainer M.** The Sophists. Oxford, 1954. 361 p.

UNITY OF THE AUTHOR AND THE TEXT: “THE RIDDLE OF THE BACCHAE”

Yurina Ekaterina Sergeevna
Saint Petersburg University
k.iurina@mail.ru

The article examines the tragedy of Euripides (480-406 BC) “The Riddle of the Bacchae” as a philosophical discourse of the sophism of the V century BC. The paper considers the history of studying the text and some attempts to interpret the “The Riddle of the Bacchae” by the Western authors, including the theory of palynode, according to which the last work of the playwright is the rejection of his philosophical views and a return to religion, and also the theory of double intention, according to which Euripides should be regarded both as a poet and as a philosopher. The author of the article tends to the latter theory and insists on the intertextuality of the “The Riddle of the Bacchae” in the light of the philosophical discussions of the V century BC.

Key words and phrases: Euripides; “The Riddle of the Bacchae”; name; things; τὸ ὄνομα; τὰ πράγματα; sophists; Protagoras.